

Журнальные заметки

РБ 1893 № 2

с. 2

ву, чтобы не вистѣть въ эмпирейхъ.

По поводу брошюры г. Мережковского, въ февральской книгѣ «Русскаго Богатства» появилась остроумная и основательная статья Михайловскаго — «Русское отраженіе французскаго символизма», къ которой мы отсылаемъ читателей. Въ ней, между прочимъ, говоритъ Михайловскій о брошюрѣ молодого поэта: «Въ своемъ растрепанномъ мышленіи и еще болѣе растрепанномъ изложеніи, онъ (г. Мережковский) играетъ словами «религіозный», «художественный», «божественный», «мистическій», «идеалистическій», не давая себѣ труда опредѣлить, какъ онъ ихъ понимаетъ, и чаще всего употребляя ихъ, какъ синонимы». Поэтъ нашъ дѣйствительно влюбленъ въ прекрасныя слова, а такъ какъ любовь слѣпа, то г. Мережковский не видитъ, что скрывается въ красивыхъ словахъ; ему въ голову не приходитъ, что какъ бы ни было красиво слово, необходимо прежде всего, не обольщаясь его благозвучностью, усвоить себѣ его смыслъ и поставить его въ надлежащемъ мѣстѣ. Г. Мережковский напоминаетъ намъ того писателя, о которомъ разсказываетъ Чацкому Репетиловъ:

Когда жъ онъ честности высокой по-
ворить:

Какимъ то демономъ внушаемъ,
Глаза въ кровь, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!

Только мы не рыдаемъ, а смѣемся. И намъ никакъ нельзя не смѣяться, потому что всегда бываетъ особенно смѣшно, когда кто нибудь съ серьезной миной, безъ малѣйшей улыбки разсказываетъ смѣшныя вещи, вроде того напр., что тургеневскій разсказъ «Собака» гораздо выше и лучше «Наканунъ» и «Отцовъ и дѣтей» — или что «единственная живая въ Россіи литературная сила» — это г. Фофановъ, Мясскій, Чеховъ, Славовичъ и Андреевскій.

Февральская книга «Русскаго Богатства» самая интересная книга изъ всѣхъ журнальных книгъ нынѣшняго года. По беллетристичѣ находимъ въ ней романъ г. Засодимскаго и хронику г. Гарина, очерки В. Г. Короленки «Въ голодный годъ» и маленькій разсказъ г-жи Юліи Безродной «Въ избѣ», написанный также на тему голоднаго года. По общественнымъ вопросамъ, кромѣ статьи Михайловскаго, нужно отнѣтитъ продолженіе очерковъ В. И. Семейскаго изъ быта рабочихъ, статью Макс. Ковалевскаго о крестьянскомъ хозяйствѣ во Франціи и, затрогивающую чрезвычайно любопытный вопросъ, статью С. Н. Кривенко «Культурные скиты», посвященную спасающимся интеллигентамъ. Очень живо написаны путевыя впечатлѣнія С. Н. Южакова, возвращавшагося недавно изъ поѣздки на дальній Востокъ.

Окончаніе «Литературныхъ Воспоминаній» г. Григоровича въ «Русской Мысли»

обмануло наши ожиданія. Мы ждали, и отъ г. Григоровича вправдѣ были ждасть, болѣе интересныхъ воспоминаній. Или для нихъ еще не наступило время? Передъ Д. В. Григоровичемъ прошла полсотни лѣтъ бытъ можетъ наиболѣе интереснаго періода нашей исторіи и, надо думать, что появившіяся въ «Русской Мысли» статьи это только самыя поверхностныя наброски тѣхъ воспоминаній, какія дастъ намъ г. Григоровичъ въ будущемъ. Нужно надѣяться, что въ тѣхъ воспоминаніяхъ мы найдемъ не только разсказы о томъ, какъ Писаевъ дразнилъ Писемскаго; какъ Тургеневъ написалъ пустяковую пьесу для домашняго спектакля, а г. Григоровичъ, Буткинъ, Дружининъ и самъ авторъ ее разыгрывали, а графиня Толстая прислала имъ браслеты и діадему, причѣмъ г. Григоровичъ выступалъ въ роли Антигоны (происходило все это, нужно замѣтить, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ); о томъ, какъ Писемскій «впалъ въ состояніе близкое къ невмѣняемости» и потерялъ калошу, а Тургеневъ, провожавшій Писемскаго, калошу ту несъ въ рукахъ до его квартиры, и многое другое въ этомъ родѣ. Право, можно подуматъ, судя по воспоминаніямъ г. Григоровича, что всѣ эти почтенныя дѣтели одними только пустяками занимались. Неприятное впечатлѣніе въ воспоминаніяхъ г. Григоровича производить странно раздражительный и явно пристрастный тонъ его рѣчи, когда онъ говоритъ о Некрасовѣ, или когда старается защищать и оправдывать въ чемъ-то Тургенева, много потерпѣвшаго якобы отъ какихъ-то клеветниковъ и завистниковъ. Раздражительность г. Григоровича вполнѣ заставляеть думать, какъ будто въ своихъ теперешнихъ воспоминаніяхъ онъ сводить какіе-то старые счеты... съ покойниками.

Въ «Русской Мысли» напечатанъ разсказъ г. Чехова. Разсказъ еще не оконченъ и мы, пока, о немъ не будемъ говорить. Но скажемъ нѣсколько словъ о г. Чеховѣ, какъ объ одномъ изъ талантливейшихъ современныхъ беллетристовъ. Вы помните, конечно, его замѣчательное произведеніе «Палата № 6». Разсказъ этотъ производитъ такое тяжелое впечатлѣніе, что вамъ кажется, какъ будто вы присутствуете при самомъ дѣйствіи, какъ будто передъ вами живые люди; вы во всякомъ случаѣ не можете не вѣрить автору, что все это такъ именно и происходило: такая великая сила таланта. А между тѣмъ, не можетъ быть, чтобы все, разсказанное г. Чеховымъ, было вполнѣ согласно съ дѣйствительностью, не можетъ быть, чтобы дѣйствительность была такъ безнадежно безотраднѣ, чтобы въ дѣйствительности царилъ такая безпросвѣтная тьма и грубое звѣрство. Ибо если бы это было такъ, если бы человечество пришло когда-нибудь

къ заключенію, что всѣ безумцы, но одни живутъ на волѣ, а другіе заперты, такъ вѣдь тогда весь земной шаръ былъ бы однимъ большимъ сумасшедшимъ домомъ, а мы не думаемъ, чтобы съ такимъ положеніемъ согласился самъ г. Чеховъ. Въ одной изъ польскихъ газетъ (Prawda) мы нашли очень сочувственный разборъ разсказа г. Чехова. Польскій критикъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что у г. Чехова «такъ превосходно изображены переходы отъ полуздороваго состоянія къ больному, что читатель нисколько бы не удивился, если бы всѣ дѣйствующія лица разсказа окончили свою жизнь въ палатѣ № 6».

Какъ мы замѣтили выше, сила таланта г. Чехова такова, что, когда мы читаемъ его разсказъ, мы будто видимъ все въ немъ совершающееся собственными глазами. Можно ли требовать отъ таланта чего нибудь болѣе этого? По нашему мнѣнію, можно и должно. Всѣ, сколько нибудь впечатлительные люди, писатели и не писатели — все равно, видятъ всѣ вещи также точно, какъ и г. Чеховъ, но у нихъ нѣтъ творческаго дара, нѣтъ таланта изображать видѣнное. Однако, если художникъ будетъ только изображать намъ то, что мы и сами можемъ увидѣть, насъ это не удовлетворитъ и въ этомъ заключается слабая сторона таланта г. Чехова. Художникъ долженъ видѣть болѣе, чѣмъ видимъ мы, простые смертные, взглядъ его долженъ быть глубже и шире нашего, а нарисованная имъ картина должна быть не только вѣрна дѣйствительности, она должна представлять намъ, невидимые простому взгляду, вліянія общаго на частное и несомнѣнно существующую связь между общимъ теченіемъ жизни и частнымъ явленіемъ, скваченнымъ художникомъ. Это необходимое условіе истинно художественнаго творчества. Такой широты, такой проникновенной глубины взгляда, думается намъ, не достаетъ таланту г. Чехова.

У всякаго беллетриста, какъ и у всякаго барона, своя фантазія. Не извѣстно, зачѣмъ понадобилось г. Чехову вести разсказъ въ февральской книгѣ «Русской Мысли» отъ имени человѣка, которому по какимъ то соображеніямъ вдумалось поступить въ лакеи и подсматривать за своими господами. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ: можетъ быть это въ самомъ дѣлѣ такъ нужно. Другой беллетристъ, г. Ратисневъ, въ первыхъ двухъ книгахъ «Вѣстника Европы» возмѣшалъ еще болѣе странную фантазію: во-первыхъ, его разсказъ такъ и называется «Quasi una fantasia», а во-вторыхъ, разсказываетъ его также не самъ авторъ и даже не какой нибудь человѣкъ, а безплотный духъ человѣка, который видѣть и слышать все, что происходитъ послѣ его смерти. Бытъ можетъ авторомъ руководи-

Журналист

Мне

3,349

[Е. А. Ганейзер]